

Муратова Н.Г., доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики
Казанского федерального университета

Проблемы уголовно-процессуального доказывания коррупционных фактических обстоятельств

Аннотация: Раскрывается необходимость продолжения анализа зарубежного и отечественного законодательства противодействия коррупции.

Рассматриваются основные положения Конвенции ООН и Европейской конвенции по борьбе с коррупцией.

Делается сравнительный анализ законодательств ряда стран с законодательство России в сфере противодействия коррупции и преодоление существующих проблем.

Ключевые слова: коррупционные факты; международный уровень борьбы с коррупцией; Конвенция ООН против коррупции; Европейская конвенция; противодействие коррупции; подкуп должностных лиц.

Muratova N.G., Doctor of Law, Professor, Head of
Department of criminal process and criminalistics
of the Kazan Federal University

Problems of criminal procedure proving corrupt actual circumstances

Abstract: It is revealed the need for further analysis of foreign and domestic laws to counter corruption.

The basic provisions of the UN Convention and the European Convention on the fight against corruption are considered.

It is made a comparative analysis of the laws of several countries with the Russian legislation in the sphere of combating corruption and overcoming the existing problems.

Keywords: corruption facts; an international level to combat corruption; the UN Convention against Corruption, the European Convention of combat corruption; counteraction of corruption, bribery of officials.

Международный уровень борьбы с коррупцией в соответствии с положениями Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003г. и Европейской конвенцией об уголовной ответственности за коррупцию от 27

января 1999 г. свидетельствует о необходимости продолжить анализ зарубежного и отечественного законодательства (1).

Принятия исторически нового закона для отечественной правовой системы инициировало многочисленные дискуссии правоприменителей и ученых о сущности и механизме его реализации. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» определил основные правовые и социальные ориентиры в борьбе с коррупцией в России. Давно ожидаемый в обществе закон впитал международно-правовые основы противодействия коррупции и удивил своей лаконичностью и доступностью терминологии. Это, видимо, связано с тем, что чуть ранее правовой системой России были восприняты два международно-правовых акта, позволившие, во-первых, убедиться в неизбежности кардинальных перемен в отечественном законодательстве в сфере противодействия коррупции, во-вторых, приготовить сознание, правовое мышление, и совесть правоприменителей к предстоящей кропотливой, высокопрофессиональной и высокоморальной работе по выявлению и доказыванию фактов коррупции в России. На XI Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (г. Сальвадор, с 12 по 19 апреля 2010 года) отмечалось, что получить точные и достоверные данные об уровне коррупции чрезвычайно сложно. Случаи, ставшие известными, не отражают всего масштаба проблемы, поэтому исследователи разработали другие способы его оценки. Например, метод репрезентативной выборки может предоставить информацию о количестве людей, прибегавших к даче взятки в прошлом году (2009-прим. автора). Согласно результатам выборки, предприниматели чаще всего дают взятки сотрудникам органов управления, включая правоохранительные органы и сферу здравоохранения, нежели чем представителям налоговых органов или муниципальных властей (2).

Конвенция ООН против коррупции, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003г. и ратифицированная Федеральным законом РФ от 8 марта 2006г. №40 ФЗ предлагает очень емкие и доступные критерии необходимых требований к доказыванию коррупционных фактов: а) обещание, предложение или предоставление лично или через посредников, какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического лица или юридического лица, с тем что это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей; б) вымогательство или принятие лично или через посредника, какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица, с тем что это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при

выполнении своих должностных обязанностей (ст.15 «Подкуп национальных публичных должностных лиц», ст.18 «Злоупотребление влиянием в корыстных целях», ст.21 «Подкуп в частном секторе»). Кроме того, критериями фактических обстоятельств отмыwania доходов от преступлений устанавливаются: а) конверсия или утаивание имущества-доходы от преступлений, сокрытие или утаивание преступного источника этого имущества, местонахождения, способа перемещения, прав на имущество или его принадлежность; б) приобретение, владение или использование имущества, если в момент его получения известно, что такое имущество представляет собой доходы от преступлений (ст.23 «Отмыwanie доходов от преступлений», ст. 24 «Сокрытие»). Еще одним блоком критериев фактических обстоятельств по Конвенции являются следующие умышленные деяния: а) применение физической силы, угроз или запугивания или обещание, предложение или предоставление неправомерного преимущества с целью склонения к даче ложных показаний или вмешательства в процесс дачи показаний или представления доказательств в ходе производства в связи с совершением преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией; б) применением физической силы, угроз или запугивания с целью вмешательства в выполнение должностных обязанностей должностным лицом судебных или правоохранительных органов в ходе производства в связи с совершением преступлений (ст. 25 «Воспрепятствование осуществлению правосудия»). Осознание, намерение или умысел, требуемые в качестве элементов какого-либо преступления, признанного таковым в соответствии с настоящей Конвенцией, могут быть установлены из объективных фактических обстоятельств дела (ст. 28 Конвенции). Следующий и последний блок правил доказывания в соответствии с Конвенцией затрагивают необходимость создания в рамках внутренней правовой системы эффективную защиту от вероятной мести или запугивания в отношении свидетелей и экспертов, дающих показания в связи с коррупционным преступлением: а) установление процедур для физической защиты; б) принятия правил доказывания, позволяющих свидетелям и экспертам давать показания таким образом, который обеспечил бы безопасность таких лиц с помощью средств связи, (видеосвязи, рации и т.п.) (3). В соответствии с Европейской конвенцией об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999г., каждая Сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут оказаться необходимыми в целях содействия сбору доказательств, имеющих отношение к уголовным правонарушениям, признанным в качестве таковых в соответствии с Конвенцией, а также для выявления, розыска, наложения ареста и изъятия орудий преступлений и доходов от коррупции, отдавать распоряжения о

предоставлении или аресте банковской, финансовой или коммерческой документации (ст.23 «Меры по содействию сбору доказательств и конфискации доходов») (4).

Историко-теоретический ракурс проблемы кроется в глубине веков. Как отмечают аналитики, в отличие от западных государств, которые формировались в условиях насильственного захвата варварскими племенами новых земель и в которых государственная власть устанавливалась достаточно быстро, древняя Русь в течение долгого времени руководствовалась собственными представлениями о добре и зле; существенную роль играли не законы, а устные договоренности, обычаи и личные отношения между людьми, а основанный таким образом громадный государственный механизм все время поскрипывал, и для его смазки уже тогда существовал такой простой и надежный способ как «подмазать подношеньцем» (5). В начале 90-х годов XX столетия Италия объявила подлинную войну коррупции и операция была названа «Чистые руки» (6). В то же время, всем памятно решение Европейского Суда по правам человека - *Gusinskij (Гусинский) v. Russia*, дело №70276/01, окончательное решение от 19 мая 2004г. Заявитель г-н Гусинский утверждал, что оба уголовных дела против него были возбуждены без законных оснований. ЕСПЧ применил понятие «разумного подозрения», «объективного наблюдателя», рассмотрел термин «исключительные обстоятельства» и «законность задержания». Г-н Гусинский жаловался, что его задержание связано с намерением властей вынудить продать его бизнес на неблагоприятных условиях, о чем говорит подписанное им соглашение во время нахождения под стражей. По мнению ЕСПЧ, уголовное преследование и арест не должны использоваться для коммерческих целей. Факты о том, «что Газпром просил заявителя г-на Гусинского подписать «июльское соглашение», когда он был в тюрьме, что государственный министр подтвердил такое соглашение своей подписью и что следователь позже осуществил это, прекращая обвинение, настойчиво предполагает, что судебное преследование заявителя использовалось, чтобы запугать его». ЕСПЧ постановил о нарушении ст.5 и ст.18 Конвенции и отвечающее государство должно заплатить заявителю 88000 (восемьдесят восемь тыс. евро) в возмещение затрат и расходов (7).

Федеральный закон от 25 декабря 2008г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции» дал определение коррупции в виде перечня составов преступлений, расположенных в главе 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» (злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки) и главе 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях» (коммерческий подкуп, злоупотребление

полномочиями). Кроме того, Закон определил фактическую цель коррупционной деятельности - получение выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества, услуг имущественного характера для себя или третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершений перечисленных деяний от имени и в интересах юридического лица.(п.п. а п.1 ч.1 ст.1 ФЗ №273).

В уголовном законодательстве зарубежных стран модель коррупционных преступлений определена более четко: в УПК Франции определены нормы об ответственности за а) пассивную коррупцию и торговлю влиянием, совершенных лицами, занимающими публичную должность (параграф 2 отдела Ш «О нарушениях служебного долга») б) активную коррупцию и торговле влиянием, совершенных частными лицами (отдел 1 главы Ш «О посягательствах на государственное управление, совершенных частными лицами»), в) пассивную коррупцию и активную коррупцию при посягательствах на публичную администрацию Европейских сообществ, государств-членов Европейского союза, других иностранных государств и публичных международных организаций (отдел 1, отдел II главы V) (8).

Торговля влиянием, злоупотребление властью, взяточничество и растрата - эта схожесть терминов проявилась и в Уголовном кодексе Аргентины, который вступил в силу 29 апреля 1922 года и с тех пор служит правосудию страны (9). В Уголовном кодексе Австрии применяется термин «принятие даров» - чиновниками (ст.304), руководящими должностными лицами (ст.305), экспертами (ст.306) (10) , а в Уголовном кодексе Республики Сербия такие термины, как «вознаграждение», «подарок», «выгода» (ст. 253-255) (11). Незаконное использование денежных средств, акций, документов, имущества, а также извлечение выгоды в личных интересах или в интересах других лиц - правовые оценки должностных преступлений работников государственных органов по Закону об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран от 30 июля 1991 г. и дополнениями от 23 мая 1996 г. (12).

Уголовный кодекс штата Техас четко определил практически весь спектр коррупционных фактических обстоятельств – взяточничество - любая выгода (ст.36.02), подкуп (36.05), получение вознаграждения (36.07), предоставление подарка (36.08), предложение подарка (36.09) (13).

В Уголовном кодексе Кыргызской Республики от 1 октября 1997 г. в главе 30 «Должностные преступления» дается отдельная статья 303 «Коррупция» - умышленные деяния, состоящие в создании противоправной устойчивой связи одного или нескольких должностных лиц, обладающих властными полномочиями с отдельными лицами или группировками в целях незаконного получения материальных, любых иных благ и преимуществ, а также

предоставление ими этих благ и преимуществ физическим и юридическим лицам, создающее угрозу интересам общества и государства» (14).

Таким образом, единство уголовно-правовых характеристик коррупции достаточно определенно сформулировано терминологически в законодательстве. Это имеет большое общественно-политическое и правовое значение. Однако процессуальные нормы отечественного уголовно-процессуального законодательства, представляется, еще схематично воспринимают рекомендации о правилах доказывания, предложенные Конвенцией ООН против коррупции. Своевременным было внесение в УПК РФ 2001 г. Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ пункта 8 ст.73 «Обстоятельства, подлежащие доказыванию». В соответствии с этим пунктом по уголовному делу необходимо доказать обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации, а) получено в результате совершения преступления или б) является доходом от этого имущества, либо в)использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия преступления, либо г)финансирования терроризма, д)организованной группы, е)незаконного вооруженного формирования, и)преступного сообщества (преступной организации).

Следующим шагом законодателя, представляется, должно быть продолжение перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию, но уже с позиций антикоррупционного законодательства, принятого в стране и мире. Необходимо внести в ст.73 УПК РФ пункт 9 следующие содержания: «Обстоятельства, подтверждающие торговлю влиянием, утаивание имущества - доходов, представление и получение выгоды в виде материальных благ, любых преимуществ физическими и юридическими лицами, вопреки законным интересам общества и государства». Необходимо расширить перечень источников доказательств, перечисленных в ч.2 ст.74 УК РФ «Доказательства», дополнив ее п.4.1 - аудиозапись, 4.2.- видеозапись, 4.3.- электронный обыск, 4.4. -электронное прослушивание, 6.1- электронный документ, 6.2. - электронная подпись, 6.3.- акты ревизий и проверок. Меры безопасности участников уголовного судопроизводства должны быть сосредоточены в самостоятельной главе 21.1 «Система мер безопасности и правила их реализации», в которой должны быть перечислены все уголовно-процессуальные меры безопасности, существующие по УПК РФ 2000 г. (изменение личных анкетных данных, отсутствие визуального наблюдения при проведении следственных действий, контроль и запись телефонных переговоров, закрытые судебные заседания). Это будет соответствовать международно-правовым требованиям к созданию внутренней правовой системы эффективной защиты от вероятной мести или запугивания в

отношении свидетелей и экспертов, дающих показания в связи с коррупционным преступлением: а) установление процедур для физической защиты; б) принятия правил доказывания, позволяющие свидетелям и экспертам давать показания таким образом, который обеспечил бы безопасность таких лиц (ч.2 ст.32 «Защита свидетелей, экспертов и потерпевших» Конвенция ООН против коррупции).

Литература

1. Муратова Н.Г. Пределы уголовно-процессуального доказывания коррупционных фактических обстоятельств // Законы России. 2009. №12. с.28-35.
2. Двенадцатый Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Салвадор, 12-19 апреля 2010 г.). Сборник документов / Составители: А.Г. Волеводз, С.М. Тарасенко, В.А. Ализаде. В 2 томах: Т.1 М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2011. 480 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unis.unvienna.org-05/01/2013/>
3. Международное уголовное право в документах. В 2-х томах / Сост. Р.М. Валеев, И.А. Тарханов, А.Р. Каюмобыва. Казань: Казанский гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. Т.1. с.339-359.
4. Международное уголовное право в документах. В 2-х томах. Т.1. с.324-325.
5. Константинов А. Коррупцированная Россия. М.:ОЛМА Медиа Групп; ОЛМА-ПРЕСС, 2006. С.19.
6. Антонио ди Петрио - Моя политика // Италия - операция «Чистые руки / Сост. В.А. Вайпан; отв. ред. Серджо Росси. М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 1999. с.25-26.
7. Косцов А. Европейский Суд по правам человека. М.: «Мартин», 2005. с.284-287.
8. Уголовный кодекс Франции / Под. ред. Л.В. Головки, Н.Е. Крыловой; пер. Н.Е. Крыловой. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. с.384, 392, 436.
9. Уголовный кодекс Аргентины / Науч. ред. и вступ. ст. Ю.В. Голика; пер. Л.Д. Ройзенгурта. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. с.198-207.
10. Уголовный кодекс Австрии / Науч. ред и вступ. ст. С.В. Милюкова; предисл. Генерального прокурора Австрии, доктора Эрнста Ойгена Фабрици; пер. Л.С. Вихровой. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. с.330-342.

11. Уголовный кодекс Республики Сербия / Науч. Ред. и предисл. Ю.А. Кашубы; пер. С. Кабирова. СПб: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2009. с. 260-263.
12. Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран / Науч. Ред. А.И. Ахани; предисл. заместителя Председателя Государственной Думы РФ Ю.Н. Волкова; пер. М.С. Пелевина. СПб: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2008. с. 280-283.
13. Уголовный кодекс штата Техас / Науч. Ред. и предисл. И.Д. Козочкина; пер. Д.Г. Осипова, И.Д. Козочкина. СПб: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2006. с. 376-384.
14. Уголовный кодекс Кыргызской Республики / Предисл А.П. Стуканова, П.Ю.Константинова. СПб: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. с.292-293.